

ЭТО ПРИГОВОР.

ДОРОГОЕ ПОКОЙНИКИ

МИЛЕН САРТО

Милен Сарто
Дорогие покойники

«Автор»

2026

Сарто М.

Дорогие покойники / М. Сарто — «Автор», 2026

Говорят, о покойниках либо хорошо, либо ничего. Но что делать, если твои живые родственники гораздо опаснее мертвых? Раймонд Стерветти должен был унаследовать крупнейший в стране похоронный синдикат. Вместо этого он наследует робу заключенного и смертный приговор за убийство собственной бабушки Алессы. Его подставили те, кому он доверял. Его дядя Антонио захватил власть, изолировал беспомощного дедушку Вивальди и заставил всю семью отвернуться от «внука-отравителя». Теперь у Раймонда есть только острый ум, старый диктофон государственного адвоката и верная кузина, рискующая жизнью на воле. Из четырех стен камеры смертников он начинает трансляцию своей исповеди. Это шахматная партия, где цена проигрыша — электрический стул. Добро пожаловать на самые дорогие семейные похороны в вашей жизни.

© Сарто М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сарто Милен

Дорогие покойники

Пролог

«Ибо, где будет труп, там соберутся и орлы». — От Матфея 24:28

Затхлость и сырость висели в воздухе, как что-то неотъемлемое для Сан-Квентина. Мокрая штукатурка, подтекающие трубы, плесень и чужой пот... Мне кажется, я уже полностью пропитался этим всем, включая страх перед электрическим стулом. Или, как ласково поговаривали местные боссы, "Старой коптилкой"

Мой приговор был однозначен. А как иначе? Ведь убийство великой Алессы Стерветти, владелицы знаменитого похоронного синдиката страны и миллиардерши не могло пройти мне даром.

Ах да, а ещё я её любимейший внук — Раймонд Стерветти.

Когда всё это произошло, заголовки газет так и пестрели названиями: "**Внук-отравитель**", "**Убил бабушку ради денег**" и тому подобные. Больше всего мне понравился: "**Похоронницу похоронил собственный внук!**". Представляю, как бабуля перевернулась в гробу от того, что её прозвали похоронницей... Она ненавидела дешевые речевые штампы.

Калифорнийские журналисты обожали смаковать подробности. Они немало писали о том, как безутешный сын покойной, мой дорогой дядя Антонио, рыдал на судебном процессе, пока присяжные выносили мне смертный приговор. Наверное, они и сейчас думают, что я считаю дни до казни, забившись в угол камеры.

Они ошибаются.

Я взял предложенные боссами сигареты "Уинстон" и закурил. Редкая дрянь, в отличие от колумбийских сигар, но жаловаться был бы грех.

— Нажимай на запись, Томас, — сказал я, посмотрев сквозь мутное, покрытое жирными отпечатками оргстекло на человека, сидевшего напротив.

Мой государственный адвокат — Томас Вульф, выглядел так, словно его самого вчера достали из одного из элитных гробов нашей семейной фирмы. Он устало поправил съехавший узел галстука и достал из портфеля тяжелый кассетный диктофон "Панасоник". Крышка, откинулась со знакомым пластмассовым щелчком.

— Итак, Раймонд, мне сообщили, что вы хотите что-то рассказать.

Выпустив облако дыма, я чуть помолчал.

— Да, о моей семье. О великой династии Стерветти.

Томас равнодушно вздохнул, нажал тяжелую серую кнопку "включить" и откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. Две пластиковые бобины внутри прозрачного корпуса кассеты медленно поползли по кругу, издавая тихое, вкрадчивое шуршание.

— Раймонд, давай без этого, — устало оборвал он, даже не притрагиваясь к блокноту. — Я государственный защитник. Через мою канцелярию проходят десятки парней, и знаешь что? Все они чертовски любят поговорить о своих великих семьях, тяжелом детстве и несправедливости мира. Мне сообщили, что ты готов сделать официальное заявление для апелляции. Так давай к делу.

Я затянулся, чувствуя, как дешевый табачный дым обжигает легкие, и посмотрел на него сквозь мутное стекло.

— Я хочу сделать заявление, Томас. Я не убивал свою бабушку. Меня подставили.

Томас на секунду зажмурился и натянуто улыбнулся, покачав головой.

— Да-да, конечно. Разумеется, тебя подставили. Все в Сан-Квентине сидят по ошибке, я в курсе. Но окружной прокурор предоставил суду ампулу с редким токсином, которую полиция нашла под матрасом в твоей спальне. На ней твои отпечатки. Экспертиза подтвердила: Алесса Стерветти умерла именно от этого яда. Все улики против тебя, Раймонд. Абсолютно все. Присяжным хватило сорока минут, чтобы проголосовать за электрический стул. У нас осталось шестнадцать дней. Хватит тратить драгоценную пленку на сказки.

Выпустив плотную струю дыма прямо в переговорную решетку, я подался вперед. Моя улыбка исчезла.

— Ты хочешь правду, Томас? Настоящую правду, а не то дерьмо, которое тебе скормил прокурор? Тогда закрой свое обвинительное заключение. Отложи ручку. Начни копать с истории нашей семьи и дойди до того самого дня, когда бабушка Алесса умерла. Ты пройдешь со мной этот путь шаг за шагом, отмотаешь три месяца назад и сам всё поймешь. Ты увидишь, как сильно ошибаешься и ты, и весь этот чертов суд.

Томас нахмурился, вглядываясь в мое абсолютно спокойное лицо. Что-то в моем голосе заставило его замолчать. Он медленно потянулся к карману, достал чистый блокнот и перевернул первую страницу.

— Ладно, Стерветти, — тихо сказал он, кладя руку рядом с крутящейся кассетой. - Я тебя слушаю. С чего ты хочешь начать?

Я стряхнул пепел на бетонный пол и хитро сощурился.

— Начнем с седьмого июля 1978 года. День, когда Алесса Стерветти устроила семейный ужин в родовом особняке, мой дедушка Вивальди еще мог ходить, говорить и слишком много видел...

Глава 1

«Наследство, поспешно захваченное вначале, не благословится в конце».

— **Книга Притчей Соломоновых 20:21**

Июль 1978 года.

Запах дорогой кубинской сигары Кубита — это лучшее, чем можно заглушить липкую, душную калифорнийскую жару. Я откинулся на кожаное сиденье новенького темно-синего «Линкольна» и выпустил густую струю дыма в приоткрытое окно. Автомобиль мягко покачивался, рассекая холмистые дороги Атертона. Кондиционер в салоне работал на полную мощность, но даже он едва справлялся. Я достал нагрудный платок, чтобы вытереть капельки пота со лба. Несмотря на наступающие сумерки, жара стояла невероятная.

За рулем, идеально выпрямив спину, сидел Рокфор. Старый, преданный шофер Алессы, который возил её еще в те времена, когда наш похоронный синдикат владел всего тремя катафалками и парой арендованных участков.

Я смотрел на дорогу, но мысли были заняты предстоящим вечером. Этот ужин не был рядовым событием. Наша семья давно не собиралась вместе в полном составе. Алесса не любила пустых посиделок, и если уж она решила созвать весь клан Стерветти в родовое гнездо, на то должна быть веская, возможно, даже пугающая причина. О которой, разумеется, никто из нас не имел ни малейшего понятия.

— Как думаешь, Рокфор, — лениво спросил я, разглядывая тлеющий кончик сигары. Хотелось разбавить тревогу разговором. — Какую сцену сегодня устроит дядя Антонио? И вообще приедет ли? А то я его давненько не видел.

Рокфор скользнул взглядом по мне в зеркало заднего вида. На его иссеченном морщинами лице промелькнула едва заметная, уважительная усмешка.

— Мистер Раймонд, его кадиллак припаркован у главного входа с полудня, — спокойно ответил старик, плавно поворачивая массивный руль. — А когда мистер Антонио приезжает раньше всех, это означает две вещи: либо у него закончились карманные деньги, либо подготовил очередную речь для мадам Алессы о своем вкладе в бизнесе.

— Скорее, и то, и другое, — хмыкнул я.

«Линкольн» плавно притормозил перед коваными чугунными воротами резиденции Стерветти. Тяжелые створки, украшенные затейливой и слегка зловещей монограммой «S», начали медленно расходиться в стороны.

Мы въехали на территорию. Я поглядывал через стекло на безупречные сады резиденции. Столетние дубы, идеально подстриженные калифорнийские кипарисы и живые изгороди из белых роз. Ландшафтные дизайнеры Алессы отработывали каждый цент — сад выглядел одновременно роскошно и... как самый дорогой, элитный парк памяти. Бабушка любила эту эстетику. Она часто говорила, что между хорошим особняком и хорошим кладбищем нет никакой разницы — и там, и там люди платят за вечный покой.

У парадного крыльца красовался огромный, вызывающе золотистый «Кадиллак» дяди Антонио. Машина была куплена на средства компании под предлогом «представительских расходов», хотя сам Антонио за последний год не заключил ни одного крупного контракта.

Я затушил сигару в хрустальной пепельнице, встроенной в подлокотник, поправил манжеты белоснежной рубашки и вышел из прохладного салона машины прямо в объятия душного вечера.

У самого крыльца, прямо рядом с безвкусным золотым автомобилем своего отца, стояла Виттория. Моя двоюродная сестра выглядела бледной, пальцы нервно перебирали ремешок маленькой сумочки Диор. При виде меня её лицо на секунду расслабилось, и она сделала шаг навстречу.

— Раймонд, слава богу, ты приехал, — тихо, оглядываясь на окна особняка, произнесла она вместо приветствия. — Ты знаешь, зачем бабушка нас всех собрала? Отец внутри с самого полудня места себе не находит. Он уверен, что это из-за аудита в Сакраменто.

Виттория заглядывала мне в глаза с надеждой. В конце концов, я был правой рукой Алессы, проводил в её кабинете по двенадцать часов в сутки и управлял делами синдиката, пока её собственный сын протирал штаны в барах. Кому, как не мне, знать её планы?

Я горько усмехнулся и покачал головой.

— Понятия не имею, Виттори. Бабушка делится со мной финансовыми отчетами, графиками захоронений и налоговыми схемами, но своими личными планами — никогда. Ты же знаешь Алессу. Если она решила устроить сюрприз, мы узнаем о нем последними.

— Но это еще не всё, — Виттория подошла ближе, понизив голос до шепота. — Она пригласила маму.

Я удивленно приподнял бровь. Тетя Мирабелла развелась с дядей Антонио еще десять лет назад, и её появление в родовом гнезде Стерветти выглядело, мягко говоря, неуместно. Алесса терпеть не могла бывшую невестку за её амбиции и холодный расчет, а Антонио при одном упоминании её имени начинал нервно заикаться.

— Мирабеллу? — переспросил я, чувствуя, как внутри зарождается нехорошее предчувствие. — Зачем Алессе звать на семейный ужин бывшую жену своего сына, которую она едва выносила?

— Вот и я об этом, — Виттория испуганно шмыгнула носом. — Мама приехала час назад. Она сидит в малой гостиной с таким видом, словно уже присматривает, куда повесить свои новые картины. Между ней и отцом воздух буквально искрит. Раймонд, мне страшно. Бабушка явно что-то задумала.

— Бабушка всегда что-то задумывает, — спокойно ответил я, хотя внутри у меня самого натянулась невидимая струна. — Пойдем внутрь. Стервятники не любят ждать.

Я аккуратно взял кузину под локоть, и мы поднялись по мраморным ступеням. Тяжелые дубовые двери особняка со скрипом открылись, впуская нас в прохладный, залитый мягким светом холл.

— Как же я обожаю именно эту резиденцию у бабули! Ах, сколько тут детских воспоминаний... — Виттория с улыбкой разглядывала стены, словно мысленно возвращалась в детство, когда маленькой крошкой бегала по этим коридорам.

— А помнишь, ты уронила любимую бабушкину китайскую вазу, а потом мы прятали её осколки в саду под деревом?

— Ага, и как ты потом об этом ей рассказал, а меня наказали плеткой! — Виттория наигранно обиделась, отвернулась и вздернула подбородок. Это была её любимая манипуляция, чтобы получить желаемое — деньги, платья, сумочки, украшения... Всё, на что бросала взгляд кузина.

Я усмехнулся, крепче взяв её за локоть.

— А вот и наши внучата!

— Дедуля! — Виттория отпустила мою руку и побежала навстречу дедушке Сандро Вивальди.

Он был одет в легкую льняную терракотовую рубашку и такого же цвета брюки — идеальный калифорнийский шик.

— Ох и соскучился я по вам, проказники. Не по тебе, Раймонд, тебя-то я каждый день вижу, — Вивальди подмигнул мне, протягивая Виттории высокий стакан с запотевшим лимонадом. Для себя дедушка, впрочем, приберег стакан с виски, в котором глухо постукивали кубики льда.

Виттория с удовольствием сделала глоток, а дедушка Сандро вдруг посерьезнел. Его взгляд, обычно мягкий и искрящийся юмором, на секунду стал тревожным. Он мягко взял

меня за плечо и увлек чуть в сторону от кухни, к высокому арочному окну, за которым догорали закатные краски.

— Раймонд, — тихо, почти беззвучно произнес дедушка, косясь на закрытые двери малой гостиной, где сидели Антонио и Мирабелла. — Ты действительно не знаешь, зачем Алесса устроила этот цирк с семейным сбором?

— Нет, дедуля. Она ничего мне не говорила. А что?

Сандро сделал глоток виски и сделал паузу, от которой у меня по спине пробежал легкий холодок.

— К ней сегодня приезжал Чейз, — шепнул дед. — Старый Артур Чейз, её личный нотариус. Тот самый, который ведаёт её секретными трастами. Он вошел в особняк в девять утра с тяжелым кожаным портфелем и заперся с твоей бабушкой в кабинете. Они не выходили оттуда до самого вечера. Антонио караулил у дверей, пытался подслушивать, но Алесса выставила его как нашкодившего щенка. Чейз уехал час назад. Лицо у него было белое как мел.

Я нахмурился. Приезд Чейза означал только одно: Алесса Стерветти меняла завещание. Щелк.

Звук остановившейся ленты в камере Сан-Квентина прозвучал как выстрел. Адвокат Томас Вульф сидел неподвижно, его пальцы замерли над чистым листом блокнота. Он медленно поднял голову и посмотрел на меня через грязное оргстекло.

— Нотариус Чейз — тихо повторил Томас. — Его не было в материалах дела, Раймонд. Прокурор ни разу не упоминал его имя на суде.

Я глубоко затянулся сигаретой «Уинстон», чувствуя, как горький дым наполняет легкие, и цинично улыбнулся.

— Конечно не упоминал, Томас. Потому что мой дорогой дядя Антонио сделал всё, чтобы мистер Чейз навсегда исчез из этой истории вместе со всем, что бабушка подписала в то утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.